

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИГРУШКА ДЛЯ ИНТРИГАНА

Таня Кель • Мора Скарр

Таня Кель

Игрушка для интригана

«Автор»

«Автор»

2026

Кель Т.

Игрушка для интригана / Т. Кель — «Автор», «Автор», 2026

Восемь месяцев в башне, а выпустили и отдали ему. Тому самому Юстейну. Так он назвался на сене, когда я, дура, размякла. Настоящее имя узнала после — вместе с тем, что он мне сделал. Это он тёмным обрядом погасил жожака. С него началась вся цепочка, что отняла у меня подругу, свободу и меня саму. Он — корень всех моих бед. Я знаю про него всё. И всё равно по нему горит моя кожа, стоит ему войти. Каждая ночь с ним что-то из меня выпивает. Он знает — что. Я пойму, когда станет поздно. — Ублюдок. Ненавижу тебя. — Ненавидишь и течёшь, — произнёс он спокойно. — Вся мокрая от одной ненависти. Это в тебе самое вкусное. — Зубами прихватил мочку и потянул. — Люблю, когда огрызается то, что подо мной. Сто раз в мыслях я его казнила. Сто раз рука не слушалась головы. Люблю, зная кого, зная, что он сделал. Вот это про себя и страшно знать.

© Кель Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Таня Кель, Мора Скарр

Игрушка для интригана

Глава 1

Сиве

Меня тянуло к нему через всю комнату. Ноги сами переступали по холодному полу. Под кожей всё горело и вело меня к мужской спине, как мотылька на свет. Я шла и ненавидела каждый вершок этой дороги.

Он был в тёмной коже. Светлые волосы собрал в хвост. Даже не обернулся на нас.

Вокруг царил полумрак. Дощатые стены давили, а от запаха мокрой шерсти и дыма кружилась голова. Это была какая-то таверна на отшибе, куда таких, как я, привозят под покровом ночи, чтобы никто больше не видел и вопросов не задавал.

Мне стянули запястья верёвкой, и она больно натирала кожу.

— Вот она, — обронил сбоку Аслак и подтолкнул меня вперёд, в круг тусклого света.

Я знала эту участливую руку, ведь однажды она уже лежала на моём плече у северной калитки, и Аслак таким же ласковым голосом обещал мне свободу. Он не давил. В его характере подводить и укладывать товар в нужное место. Главное — делать всё мягко, чтобы скотина не билась и спокойно зашла в стойло.

Я не поднимала на него глаз, потому что не могла смотреть на того, кто продал меня дважды. Мне только казалось, что ему не всё равно. Как же я ошибалась.

Меня подвели к очагу и развернули лицом к сидящим. Их было четверо. Под ключицей налился жаром узел и разошёлся тёплой волной к животу, а после ниже. Кожа на груди и шее вспыхнула, будто с меня сняли платье. А между бёдер стало мокро от близости к этому мужчине, к которому меня даже толком не повернули.

Вот же ты тварь. Стоишь и течёшь, как сучка по весне. И волки это учуют. Хотя сомнений не было. Уже учуяли.

У оборотней прекрасный нюх. И сколько бы я ни поднимала подбородок, их этим не обмануть. Один из сидящих повёл головой, а его ноздри дрогнули, и по губам расползлась ленивая улыбка. Второй хмыкнул. И тогда мне в щёки бросилась кровь. От этого стало только горячее внизу. Стыд прокатился по жилам, переплетаясь с жаром. Я стояла посреди стаи мокрая и красная, со стянутыми запястьями и наблюдала за собой из своего угла.

Смотри, до чего тебя довели. Смотри и запоминай!

— Меченая тёмной руной, — кивнул на меня один, что был с Аслаком. — Сам видишь. Живая и целая. Как уговорено.

Мужчина у очага наконец шевельнулся и лениво повернулся вполоборота, словно его отвлекли от чего-то интересного. Оглядел меня снизу-вверх без спешки. Свет упал ему на лицо, и земля ушла из-под ног.

Юстейн! Точнее... Бранн! Я до последнего не верила, что это он.

Тот, кто в северной роще поил меня отваром из своих рук. Тот, кто уложил на сено во вторую ночь и лишил невинности. Тот, из-за которого всё началось: и Лаэна, и башня, и проклятый Аслак. А теперь ещё и этот зал.

Юстейна больше не было. Вместо него на меня смотрело гладкое и до отвращения приятное лицо с зелёными глазами. И в них играли хитрые смешинки. Он смотрел на меня так, словно впервые увидел кобылу, которую даром привели во двор.

— Знакомая мордашка, — уронил он и потянулся, разминая плечо. — А я думал, ты в башне сгниёшь.

Я качнулась, но меня заботливо придержал за локоть Аслак. Мои челюсти сжались так, что их почти свело, но я не выдавила ни слова. Всё, что я хотела сказать, застряло бесполезным и злым комом в груди.

Бранн поднял два пальца, и меня подтолкнули к самым его коленям.

— Садись, — приказал он.

Но я даже и не думала подчиняться. Тем не менее меня усадили чьи-то руки. Нажали на плечи, и я опустилась к нему, как вещь. И от того, что я оказалась вплотную к нему, узел в животе вспыхнул до боли, и по внутренней стороне бедра неостановимо потекло. Стало совсем стыдно и горячо, а я закрыла глаза. Но так было только хуже, потому что я остро ощущала собственное тело. Сейчас оно раскрывалось ему навстречу, не спросив меня.

Предатель! Тряпка! Течка на цепи!

— Смотри-ка, — бросил он тихо, притянув меня за талию. — Восемь месяцев, а всё как с той роши. Что ж ты у нас такая ненадёжная-то?

Дальше пошёл торг. Я слышала обрывками, как меня продавали, сквозь звон в ушах и стук собственной крови в висках. Кто-то что-то говорил про сроки и про то, что должно созреть. Меня обсуждали, как бочку с вином, которой нужно дойти до своего часа. Молодое ли? Доспеет ли? Кто заберёт урожай и когда.

А я тем временем сидела на колене у волка насквозь мокрая, и думала, что товар снова переходит из рук в руки. Сперва к Аслаку, а от него к Бранну. Скоро уж и клеймо сотрётся, а меня всё перепродают.

На самом интересном месте меня увели.

— Хватит ей тут сидеть, — бросил Бранн, не глядя в мою сторону и махнув куда-то вбок. — Это разговор не для служанок. Уведите.

Меня повели прочь к тёмному проёму в глубине зала. А я так и не услышала главного. Что он выторговал, чем расплатился, снимется ли с меня эта дрянь и какой ценой? Мне надо было это знать, но меня выставили за дверь.

Через минуту я оказалась в мрачной комнатухе с одной лежанкой и узким оконцем. Оставалось ждать, когда за мной придут. А это случится. Тело моё знало и не собиралось остывать. Ныло от того, что встретило своего хозяина.

Ненавижу всё это и то, что происходит внутри!

Сев на край лежанки, я обхватила себя руками, пытаюсь унять то, что стыдно горело внизу. Но это бесполезно.

Бранн пришёл, когда совсем стемнело, и сразу же повернул ключ.

У меня из головы не выходило, что за тонкой стеной его стая с их чуткими носами.

Стягивая рубаху, он прошёлся по мне взглядом. Сделал это как-то устало.

На его предплечьях и кистях темнели узоры. Один из них был мне знаком, что на руке. Она метила меня в роще.

— Забилась? — хмыкнул он, отшвыривая рубаху. — Иди сюда.

Я осталась сидеть, вцепившись в край и уставившись в пол. Ничего не говорила, только дышала.

Уговаривать Бранн не стал. Пересёк в два шага комнатуху и размотал верёвку с моих запястий в пару рывков. А после толкнул меня в плечо, чтобы я упала на спину и резко, а главное, широко развёл руками ноги. Наклонившись, он втянул воздух над самым низом моего живота. Я была вся раскрыта, и кожа чуть блестела в тусклом свете оконца. По его лицу расплзлась довольная улыбка.

— Скучала по мне? — протянул Бранн, не отрывая взгляда от того, что видел между моих разведённых бёдер. — Вижу, что скучала. Даже очень. Я тоже скучал по моей игрушке. Юстейна тебе, что ли, вспомнить? Хочешь его нежности?

— Нет! — вырвалось у меня выдохом первое за вечер слово.

— То есть грубо хочешь.

Я замотала головой, но поздно. Бранн резко вошёл, вырвав из меня вскрик, который я не успела удержать. Моё тело раскрылось ему легко, а его плоть скользнула по мокрому до конца.

Не смогла соврать. Выгнувшись, я почти уплыла, но разум остался.

Гляди, тварь! Насадилась сама и стонешь. Он и не старается.

Этот голос в голове не давал телу полностью отдаться.

— Я уже и забыл, какая ты узкая, — обронил Бранн, замерев во мне на всю глубину, давая почувствовать себя целиком. А потом тягуче двинулся. — Такая чувствительная. Твоё тело любит меня, Сиве. Не сопротивляйся.

— Нет, — мотала я головой, и волосы разметались по подушке.

— Скажи, что тоже скучала.

Стиснув зубы, я молчала, а он усмехнулся этому упрямству, будто его оно забавляло.

Бранн вдруг начал двигаться так, чтобы выбить из меня всё. Каждый толчок находил во мне то место, от которого перехватывало дыхание, и с губ рвались низкие и гортанные звуки, похожие на рёв.

— Тише, — выдохнул Бранн мне в шею, а сам качнул бёдрами глубже. Да так, что тише выйти не могло. — За стенкой мои. Хочешь, чтобы слушали, как тебя разбирает?

Я вскинула ладонь ко рту, желая зажать его, но он перехватил моё запястье и прижал руку к постели над головой.

— Сама справляйся, — улыбнулся Бранн.

Но у меня не получалось. Звуки вылетали из меня сами. Я их слышала и ненавидела. Ничего не могла с ними поделать.

Свободной рукой он скользнул вниз по животу, нашёл пальцем то место, где у меня всё сходилось в жаркий комок и, надавив, повёл круговым движением.

Мгновение, и всё тело свело судорогой. Я забилась под ним, и Бранн смотрел на это, с тем же ленивым любопытством, с каким разглядывал меня в зале.

— Как быстро, — протянул он, будто ему и правда было слегка обидно. — Но мне надо зажечь руну и наполнить тебя.

Перехватив мою руку у запястья, он повернул к оконцу. На коже проступил тёмный узор. Тонкие ветви наливались изнутри слабым светом, и сейчас они были заполнены едва ли на треть.

— Мне и самому уже хочется кончить, — тихо сказал он, разглядывая свою работу с явным удовольствием. — Но я потерплю. Нравится на тебя смотреть.

Он вышел и засунул в меня два пальца. Собрав влагу, Бранн снова медленно и глубоко вошёл в меня. Мокрыми подушечками провёл по моим губам, раскрывая их. Скользнул к языку.

Не знаю почему. Я сомкнула губы и втянула в себя всё.

Бранн усмехнулся, а после наклонился и впился в мой рот. Его язык ворвался, не спеша. Словно у нас вся ночь на то, чтобы меня исследовать.

От своего же запаха, что оставили его пальцы, от языка, что скользил у меня во рту, мутилось в голове.

Оторвавшись от меня, он провёл губами по шее. Лизнул венку, где истошно бился пульс. Прикусил и спустился к груди.

— Ты же помнишь, что за стенкой свора моих псов? — предупредил Бранн, явно собираясь сделать что-то, отчего я закричу.

И правда. Секунда, и его зубы сомкнулись на соске. Я не удержалась и крикнула громче, чем хотела. Снова зажала себе рот, и на этот раз он не мешал. А я задвигалась быстрее, лишь бы сбросить всё разом и добраться до конца.

От первого раза внутри всё было чувствительно и обострено до предела. Каждое движение отдавало вспышкой. Второй экстаз пришёл почти сразу же. Он оголил всё чувства разом и выбил из-под меня остатки опор.

А Бранн не остановился. Не дал даже передышки. Двинулся снова тем же неспешным и беспощадным ритмом по тому, что уже горело. По моим вискам скользнули слёзы. Тело переполнилось так, что изливалось солёными каплями.

— Я больше не могу, — выдохнула я сорвавшимся голосом. — Прошу.

— Тогда остановись сама, — улыбнулся он, не замедляясь.

Но это было не в моей воле. Мои бёдра сами двигались ему навстречу и ловили его глубже. Тянулись к тому, от чего я плакала.

Я смотрела на это откуда-то издалека, холодея от ужаса.

Где кончалась я и начиналась та страсть, вбитая в меня рукой Бранна на сене? Может, во мне и не осталось меня? Может, я вся теперь принадлежала ему?

А он тихо и довольно смеялся всякий раз, когда меня накрывало, как хозяин, у которого хорошо плодоносит земля.

— Ты предала свою хозяйку, Сиве, — шептал он, придерживая меня за бедро и глядя, как я разваливаюсь. — Предала Авирион. А та посадила тебя на цепь, как собаку, и заставила голодать. Я буду щедрым, не бойся. Дам тебе столько, сколько требует твоё тело.

Отстранившись, Бранн пошёл вниз. Развёл меня шире и, прижавшись ртом, слизнул всё, что из меня вытекло. Язык скользнул по острым точкам, что и так уже перегреты. Каждое движение било болью и такой яркой вспышкой, что темнело в глазах.

Вцепившись в лежанку, я протяжно стонала, не в силах это прекратить. На самом краю, когда уже ничего не осталось, Бранн поднялся и вошёл снова.

Нам хватило нескольких движений, чтобы тела окаменели и задрожали.

Он не сдержался. На пике из него вырвался низкий рык. Бранн явно не собирался его выпускать. Сделал это не нарочно.

Я застонала следом, и мы кончили, вцепившись друг в друга.

Мокрая и дрожащая, выпитая целиком, я лежала и молча смотрела в потолок, выравнивая тяжёлое дыхание.

Он ещё провёл языком по моей шее, снимая проступившие капли, а потом вышел и с нескрываемым удовольствием оглядел мою руку.

Узор напился сильнее. Поднеся запястье к губам, Бранн поцеловал метку.

— Смотри, какая она красивая, — протянул он, любуясь. — Тёмная, как наши чувства.

Это была насмешка. Никаких чувств между нами не могло быть, поэтому и смешно. Издёвка вышла злее презрения, и я отвернулась.

Он перекатил меня к себе на грудь и, устроив там, взял мою ладонь. Её положил на пах, чтобы я чувствовала, как у него всё ещё твёрдо и что не стоит даже шевелиться. В противном случае это повторится.

— Спи, Сиве, — пробормотал Бранн в мои волосы с хозяйской лаской. — Сегодня ты хорошо постаралась. Я доволен.

Поцеловал макушку, он медленно погладил мои пряди. Я чувствовала себя псом, что улёгся у ног.

Я просто дура, что лежит у него на груди, похваленная за работу. Хоть я и звала это любовным поводом, но понимала, что меня опять заперли в клетку и, пока внутри сидит метка, мне не сойти.

Но самым ужасным было то, что моё тело в руках Бранна снова начинало тлеть.

Глава 2

Бранны

Узор на её руке ещё переливался, когда я поднял с пола рубаху.

Тонкий тёмный росчерк шёл по внутренней стороне запястья и неспешно гас, как уголёк. Свет сползал и уходил под кожу, где ждал следующего раз.

Стоя над Сиве, я размышлял. Перебирал всё, что у меня сейчас было. Сколько налилось и сколько ещё возьмёт, прежде чем нальётся до края.

Восемь месяцев эта дрянь пролежала в башне пустая и недосыгаемая, а теперь снова копит и славно это делает.

Девочка спала лицом в подушку. Её каштановые волосы разметались, а сама она дышала глубоко. Тело взяло, что надо, и голову спросить забыло. В комнате пахло ею и мной. От стаи не спрячешь. Да и не надо. Нечего утаивать того, что можно унюхать. Только дурак старается, а стая после лишь смеётся за спиной.

Но где-то про себя я знал и другое. Эта дрянь, что так добротнo копится, ей же не впрок. Тёмное всё равно берёт своё. Сколько ночами в неё вливается, столько же и убивает её тихо изнутри. По молодому и крепкому телу этого покамест не видать, но будет вскоре заметно.

Додумывать до конца не стал. Не моя забота, чья кровь горит. Лишь бы не гасла.

Накинув на Сиве шкуру, чтобы товар не выстыл до рассвета, я вышел, притворив дверь.

В общем зале смердело прокисшим пивом.

Аслак со своими сгинул ещё засветло. Этой ночью тут ловить было нечего, а орден не из тех, кто станет коротать ночь в такой дыре. Свои дела они справили, задаток вручили, вогнав крючок, и умчались вдаль к тёплым постелям. Мои же дрыхли вповалку на лавках. Кто-то уже видел десятый сон. Стая с ладонь. Всё, что от неё осталось после того, как я забрал своё. Горстка, которую любой матёрый вожак на востоке проглотит и не поперхнётся.

Только Торд не спал. Сидел у стола, привалившись плечом к стене, и ковырял ногтем кружку. Я взглянул на его обветренное лицо. Тёмно-русая борода была уже с проседью. Серые глаза единственные во всей стае смотрели на меня прямо, а не снизу. И сейчас он поднял их на меня, когда я перешагнул через чью-то вытянутую ногу.

— Ну? — глотнул он пива. — Как оно было?

Я сел напротив, отобрал у него кружку и приложился. Кислятина редкостная, но ничего больше здесь не давали.

— А по звукам непонятно? — спросил я.

Он ухмыльнулся в бороду и отнял пиво обратно.

— Понял, что вы всё, когда она выть перестала. — Торд сделал большой глоток. — Думал, придушил ты её сгоряча. А потом носом повёл. Нет, живая. Только сомлела, — и беззлобно добавил: — Крикливая, тьма её. Я таких люблю.

— Кто ж их не любит.

— Так у тебя аж под дверью слышать было. — Торд утёр рот тыльной стороной ладони, и в серых глазах промелькнула зависть. — Меня, вон, самого до нужника погнало.

Я забрал у него кружку и не спеша допил, давая ему досмеяться. Пусть веселится, ведь с этого места разговор поворачивал туда, где было уже всё серьёзно. И Торд это чувствовал не хуже меня. Оттого и тянул пиво, балагурия.

— Ладно, наигрался, — стукнул он пустой кружкой о столешницу. — Теперь ты мне, вожак, объясни толком, на кой ляд она нам сдалась?

— Женщина не нравится?

— Женщина хоть куда. — Торд не повёлся на мою уловку, тем и был хорош. — Мне не женщина поперёк горла, а то, что за ней стоит. Меченая баба, а за ней орден, и он придёт не

завтра, так к листопаду. Нас вот. — Он провёл рукой по воздуху, показывая тёмный зал, обводя то, что осталось от стаи. — Поташим её через полземли, чтоб однажды нам за неё глотки-то и порвали? Сдай обратно, покуда целы. Пушай серые со своей дрянью сами возьятся.

Резон в этом был. Торд редко говорил что-то опрометчиво. Худо одно: он смотрел на доску с одной клетки, я же всю партию держал в голове.

— Орден пришёл не за бабой, Торд. — Я откинулся к стене и вытянул ноги. — Он примчался за Лодином.

— Задохлым-то?

— За тем, что этотдохлый оставил, — протянул я лениво. Так оно и было. Всё уже случилось и объяснять — только ворошить прошлое. — Сундук его книг — у меня. Кухня тоже. Обряд, которым гасят силу, сжигают жоака и камень крепости — и это у меня. Они это знают, тьмой клянусь, оттого и приползли. А бабу приволокли задатком, чтобы показать, что они не голодранцы с большой дороги, что вещами Лодина владеют живьём и метку на живом теле носят. Дескать, гляди, жоак, мы всерьёз.

— Тогда тем паче. — Подавшись вперёд, Торд упёрся локтями в стол. — Забрали своё доказательство да разошлись. Чего они тебе оставили?

— А вот тут вкусно, — усмехнулся я, потому что здесь и вправду было интересно. В этом месте я их и взял. — Метка в чужих руках мертва. Без меня она лишь тёмный рисунок на коже, и изучай его хоть до седых мудей, ничего он им не даст. Оживает только при мне. Я им это на торге и выложил. При всём их учёном синклите. Притащили её, связанную, поставили посреди залы, и она при виде меня потекла так, что у всех носы в потолок задрало. — Я развёл руками. — Забрать девку у меня — значит унестидохлую железяку. Если оставляют при мне, то получают дойную скотину, которую ни кормить не надо, ни рук марать. Что они и выбрали.

Торд несколько минут катал мой расклад в голове.

— Сговор, стало быть.

— Всё так. — Я поймал взгляд корчмаря, дремавшего за стойкой, и кивнул на кружку. Тот сразу заворочался. — Несложная задача: они дают мне ключ, как дочитать книги Лодина. Половина его сокровищ мертва простым взглядом, Торд, чистые страницы, а в них всё, чего мне недостаёт. Ключ у ордена. В обмен я довожу девку до нужного состояния и возвращаю её созревшей, к сроку.

— К какому сроку?

Дождавшись, пока корчмарь доволочёт пиво, я его отхлебнул. Вот к этому месту я и вёл свои рассуждения, тут и вся соль.

— К тому, что назначу я. Готовность — за мной. Пока я не скажу, что девочка созрела, урожай им не видать. А созреет всё равно тогда, когда мне станет угодно. Хоть к листопаду, хоть через три зимы. Они мне верёвку на шею накинуди, спору нет, да только другой конец я сам держу.

— И они пошли на это? — глянул на меня исподлюбья Торд.

— Пошли, — кивнул я. Псам под хвост их учёную спесь. — Думают, что купили меня. Чужими руками довести оружие до боевого, снять урожай да не запачкаться.

Про то, что у меня в голове вертелись и другие мысли, я Торду говорить не стал. Иногда лучше что-то держать при себе, даже в тайне от своей правой руки. Я думал, что полностью купил у них Лодина. А человек, дочитавший его книги до конца, однажды сможет то, чего сам орден и в помине не умеет.

— Обе стороны довольны, — закончил я. — Обе уверены, что переиграли друг друга.

— Один из вас дурак, — хмыкнул он.

— Само собой. — Я отсалютовал ему кружкой. — Оттого и весело.

Торд не улыбнулся. Допил своё пиво, поставил и, проведя ладонью по бороде, посмотрел на меня прямым взглядом.

— Ладно. Допустим, оружие и впрямь знатное, коли и правда стаю разом гасит. — Он на секунду замолчал, собираясь сказать что-то неудобное. — И куда ты с этим оружием целить-то надумал, вожак?

Вот это был хороший вопрос. Я не стал говорить ему, что ответа у меня нет.

Вместо этого из меня вылетело:

— На восток.

А про себя думал, что я держал в руках заряженное оружие, способное однажды разрушить крепость или целый серебряный хребет. Вот только крепости не было. Авирион, под который эта тьма ковалась, — взят, коронован и зашит наглухо. И хоть серебро со стен снято, но одним ударом его не прошибить. Там и Грим со своей стаей, и Велаэна с магией. Мишень разобрала сама себя, пока я гнил в яме. История так сложилась, что теперь мои попытки бесполезны. И вот сейчас я не знал, куда мне однажды это всё разрядить.

Восток — интересное место. Там всегда есть во что.

Кряхтя, Торд поднялся и размял затёкшее плечо.

— Дурное дело возить за собой чужой урожай, — буркнул он. — Ну да тебе виднее.

Я оглянулся на дверь, за которой спала девушка, наполняясь во сне. Тёмная метка тлела, ожидая утра и меня.

— На рассвете уходим, — обронил я ему в спину. — Её посадим ко мне в седло.

— Стало быть, всё же тащим.

— Заберу с собой.

Торд ушёл досыпать, а я остался сидеть над пустой кружкой и не сразу сообразил, что тут же отнёс вариант, когда я мог отдать девчонку обратно. Я, который не делал вдоха, не взвесив всё, просто это не рассматривал.

Подумал, что усталость. С кем не бывает под утро и после такой ночи.

Глава 3

Сиве

Когда я проснулась, то тут же почувствовала тяжесть между ног. Меня медленно вытягивало из сна ноющей болью. Тело саднило, а бёдра слиплись. И ещё не распахнув глаз, я уже знала почему. Его семя засохло за ночь на коже.

Течная сука.

Вот так я безжалостно назвала себя, уткнувшись лицом в подушку, что пахла им. Словно речь шла о другой бабе, а не обо мне.

Моя вторая половина, взирающая на меня со стороны, была холодна и беспристрастна.

Постель уже остыла, видимо, Бранн давно поднялся.

Повернувшись на спину, я уставилась на покосившиеся тёмные балки под потолком. Ночь эта мне не приснилась, и назад её не отмотать.

— Долго спишь, — протянул низкий бас сбоку.

Я вздрогнула и повернулась. Бранн сидел у окна. Его серое лицо и отяжелевшие веки говорили о том, что он и вовсе не спал. Мужчина закинул ногу на ногу и грел в ладонях глиняную кружку, над которой поднимался прозрачным облаком пар. Всю ночь не ложился, а слабее от этого не выглядел. Свои светлые волосы он небрежно завязал в хвост. А глаза...

Я поймала себя на том, что смотрю на них, не отлипая. Вязну в их густой и холодной зелени и не могу налюбоваться.

Разозлившись на себя за это, я отвела взгляд.

— Твоё вчерашнее я порвал. — Бранн указал кружкой в сторону стула. — Держи, что нашлось.

На спинке висело платье из коричневой тонкой шерсти со шнуровкой по бокам. И через вырез до середины груди оно было распахнуто так, что прятать нечего.

— Платье шлюхи, — процедила я сквозь зубы и натянула на себя простыню.

— Другого в этой дыре не сыскали. — Он отпил из кружки, не отрывая от меня взгляда. — Не нравится — иди голой. Стая оценит.

Мне хотелось укутаться с головой и не вылезать из постели, чтобы он не видел меня снова во всём разорванном. Но нового тут не было: ночью он рассмотрел всё, и тело это помнило, отдавая тёплой тягучей готовностью вниз. Лишь от одного его взгляда, скользнувшего по ключице.

На столике у постели стояла вторая кружка, явно приготовленная для меня.

Я взяла её, не думая, и нос травницы сразу узнал горький и вяжущий запах тысячелистника. Его ни с чем не спутать. Это трава для бабы, что рвётся и ноет после мужчины, полезно для крови и хвори по женской части. Такая трава росла в северной роще, где меня когда-то валил на сено человек по имени Юстейн, шептавший, что я красивая.

Отголосок воспоминания кольнул где-то в сердце и тут же погас. Помнил ли Бранн ту рощу, подбирая мне эту траву? Или взял первое, что кладут бабе поутру.

Его лицо было непроницаемо. А я и спрашивать не стала. Не доставлю ему этого удовольствия.

Сам же он пил другой отвар, но носом я плохо его чуяла.

— Пей, — бросил он. — Полегчает.

— С чего такая забота?

— Везти тебя далеко, а ты скулить будешь.

Я отпила, и горечь напитка разлилась по горлу.

Между лопаток чесалось от засохшего пота. Кожа стягивалась, и я чувствовала, как пропахла этой ночью. И без его слов знала, что грязная, но он всё равно сказал:

— От тебя несёт на весь постой. Спустишься так — стая учует бабу в течке, а не мою любовницу. Волки, они простые. Тоже захотят поразвлечься.

Поставив кружку, он положил руки на подлокотники, наклонил голову набок, рассматривая меня.

По моей спине пробежался холодок от его взгляда.

— А ты не отдашь меня им, — выдала я.

Выбросила слова с ленивой небрежностью и следила, как он на них поведётся.

— Не отдам, — согласился Бранн без запинки, но и без нежности, будто не обо мне шёл разговор, а о лошади в стойле.

— Это верно, — пробормотала я задумчиво.

И правда, своё чужим не отдают, значит, я его и он будет за меня держаться. В таком случае мне можно на этом сыграть. Но не сейчас.

У стены стоял таз с водой, а рядом лежала серая ткань. Бранн принёс и это, как заботливый хозяин, обхаживающий скотину перед дорогой.

— Выйди, — кивнула я на дверь, — я обмоюсь.

Он даже и не подумал это сделать. Устроился в кресле поудобнее и, вытянув ноги, скрестил их у щиколоток. Руки сложил на животе, делая вид, что спешить ему некуда, а уходить не собирается.

— Мойся, — приказал Бранн.

— При тебе не стану.

— Станешь. — Он усмехнулся уголком рта. — Что я там не видел, тёмная? Ночью ты меня не стеснялась. Твоё тело бесстыдно раскрывалось мне, его-то я и спрашиваю. — Взгляд изумрудных глаз прошёлся медленно сверху вниз с хозяйской наглостью. — Стесняешься? Что ж. Так и быть, помогу забыть про стыд. Возьму сейчас у таза, да так, что вниз ты уже не спустишься и думать про чужие глаза забудешь. Выбирай.

Угрозы здесь не было, потому что он так и сделает.

И тело предательски откликнулось на его обещание: между ног вспыхнул тянущий жар, и та я, что смотрела на себя со стороны, зашипела от отвращения.

Дрянь под кожей тянулась на его голос.

Встав, я наконец отпустила простыню и стащила остатки рваного платья. Затем дошла до таза и не оборачивалась.

Вода была едва тёплой. Намочив полотенно, я провела им по шее, плечам и по груди. Телу нравилась эта прохлада, умиряющая пылающие угли.

Спиной я чувствовала его плотоядный взгляд, что полз по мне, как ладонь. В нём был жар, и я ощущала его затылком.

Бранн остался сидеть в кресле. Слово он своё держал. Но усилий явно много прилагал для этого, потому что я слышала, как скрипит кожаная обивка кресла, оттого что рука сжимала подлокотник.

А дальше нужно было сделать самое сложное: промыть между ног при нём. Пришлось развести бёдра и провести полотенном. Оно скользнуло по саднящему, вымывая ночь. Внутри разрастался стыд от того, что он смотрит, как я это делаю. Словно так и надо.

— Помочь? — раздалось за спиной.

— Сама справлюсь, — огрызнулась я.

Он лишь тихо хмыкнул и больше ничего не предлагал.

Отжимая полотенно, я задержала взгляд на внутренней стороне запястья. Там темнел знак в виде малого узла без единой точки. Его метка, поставленная на сене той ночью, когда он ещё звался ложным именем Юстейн. Всякий, кто глянет, поймёт, что я уже его собственность.

Обмывшись, я потянулась за платьем и заговорила, не оборачиваясь. В лицо такое спрашивать нельзя, а очень хотелось услышать, что скажет.

— Те люди, что меня приволокли... Ты с ними о чём-то долго торговался. Я не слышала, потому что меня увели в самом начале.

— И разумно сделали, — произнёс он.

— Что ты им дал за меня?

— А тебе зачем?

Продев руки в рукава, я зашнуровала бок, оттягивая ответ.

— Я теперь хочу знать, чья я. Их или твоя? От этого зависит, чего мне ждать.

— Моя, — лениво отрезал Бранн. — Пока моя.

— Пока? — развернулась я к нему, зашнуровав второй бок.

— Пока не решу иначе. — Он наконец поднялся с кресла и потянулся, хрустнув суставами. — Много вопросов для утра.

Его взгляд скользнул к вырезу на моей груди, что разошёлся, как и положено, открыв её до половины. Спускаться в таком к волкам, что и без того чуют бабу, было всё равно, что идти по двору голой.

Повернув руку, я подставила запястье свету и тронула метку пальцем.

— А это с меня снять можно?

В комнате сгустилась вязущая тишина на короткий миг.

— Нет, — качнул он головой.

— Совсем? Или ты не умеешь?

— Рано тебе о таком думать, девочка, — произнёс он чуть севшим голосом, потерявшим ленцу. — Оделась? Пошли.

Стало быть, снимается. Только он говорить не хочет. Ладно, оставим на потом.

Бранн приблизился так, что мне в нос ударил запах кожи и травы, идущих от него. Он поймал двумя пальцами мой подбородок и запрокинул лицо. Его губы замерли в миллиметре от моих. Я чувствовала тепло его рта, томительное ожидание касания. И безмозглое тело подалось вперёд, чтобы получить заветный поцелуй.

Но Бранн не дал. Держал меня на этом мизерном расстоянии и глядел, как я тянусь. В его зелёных глазах струился один холодный расчёт. Никакого желания. Он просто убедился, что марионетка дёрнула руками.

— Не время, — шепнул мне в губы Бранн и отпустил.

А после отвернулся и направился к двери, бросив через плечо, чтобы я не отставала.

Я же стояла посреди комнаты и до сих пор ощущала, как тело горело от несостоявшегося поцелуя. Правда, голова у меня была холодной и трезвой.

Играй, Сиве! Он думает, что доит тебя и хорошо. А ты в это время по капле берёшь всё от него. Кто первый всё сольёт, тот и проиграл.

С этими мыслями я двинулась за ним.

Глава 4

Бранны

Спустившись по кручёной лестнице, я пропустил Сиве вперёд, придерживая её за локоть, чтобы всякий в зале сразу увидел, чья девушка.

Внутри уже все мои собрались. Хозяин с сыном жались к бочкам в дальнем углу, стараясь не смотреть на нас. И это правильный выбор. Волки в зале либо к золоту, либо к горю. А к чему конкретно, здесь решал я.

Рухнув на лавку, я притянул Сиве и усадил на колено.

Стоило ей опуститься, как за столом у всех дёрнулись ноздри. Удовольствие от этого зрелища лениво поползло по телу. Баба на коленях у вожака пахла не страхом. А кабацкое платье с вырезом до половины груди сразу же приклеило взгляды. Стая чуяла всё.

— Течёт от тебя за версту, вожак. — Рекк не поднял головы от миски и поддел мясо ножом. — Весь зал стоймя стоит.

— Завидно? Выйди проветрись. — Я подтянул к себе краюху хлеба, отломил и поднёс, не глядя, ко рту Сиве. — Ешь.

Она откусила с напускным безразличием, словно делала одолжение. А бедро всё же окаменело под моей ладонью, что я положил ей на ногу.

Повернув к свету её запястье, я осмотрел. Метка медленно наливалась. Со вчерашней ночи знак стал ярче, и это было хорошо. Сосуд постепенно наполнялся. А я всё в голове прокручивал: сколько взято и сколько осталось. Пульс у Сиве частил. Тоже неплохо.

Напротив тяжело опустился на скамейку Торд и положил обе руки на стол. Это его привычка. Когда вожак занят иным, второй держит стаю в узде. Он меня не осуждал. Если его что-то не устраивало, он всегда говорил это вслух. Волк был проще меня.

— Дорога дальняя, — начал он. — Люди спрашивают, куда мы направляемся?

— На восток, — отставил я кружку.

Никто есть не перестал, но напряжение в зале заметно выросло. Рекк фыркнул в миску:

— На восток мы уже ходили. Тебя оттуда вышвырнули, вожак, коли запоматывал. — Он ткнул ножом в сторону окна, за которым во дворе виднелась телега. — А теперь ещё и короб за собой волочём. Писульки покойника. Полвоза бумаги, которую никто из нас прочесть не может.

— Ты не можешь, — согласился я, отпив глоток.

— И ты не можешь, — оскалился Рекк. — Тьмой клянусь, я видел, как ты горбился ночами над немymi страницами. Лодин сдох и утащил половину в могилу, а нам оставил короб мёртвых знаний да бабу с меткой.

Брось я ему сейчас правду, что веду их на восток как раз за ключом к этой самой бумаге и что орден отдал мне половину, а вторую на крючке держит, — Рекк бы не понял.

— Мёртвая бумага, — протянул я, — это обряд, которым погасили непобедимого Грима. Всё погрузилось в хорошую и вязкую тишину.

— Грима, — произнёс я, чуть касаясь губами кожи на затылке Сиве, — которого ни один из вас не свалил бы и вдсятером. Волчьи земли звали его великим, покуда он не лёг под королеву и не выменял стаю на перину да корону сына. А восток это помнит. Серые грызутся за пустое место. Но там просто нет вожака. И тот, кто знает, как валят непобедимых, тот и будет на коне.

Вслух я держал знамя, но ловко увернулся от скользких моментов. Я не сказал, что сам причастен к тому, что Грима взяли и в цепях Велаэне утащили. Пусть думают, что это дело рук Лодина.

— Говорят, там уже сел кто-то, — посмотрел на меня Торд. — Молодой, с низовых стай. Хравном вроде кличут. Он собирает народ под себя, но пока пусто.

— Я слышал, что сел пока временно. Ждут признания других стай. Что ещё говорят?

— Зубастый он. Это не бумага, вожак, а волк.

— Вот как. — Я двинул ладонью под столом по бедру Сиве. — Такого волка можно свалить тем, чего у него нет.

Она вцепилась в предплечье ногтями, глядя в стол. В мои тёмные отметины от ремесла, что въелись в кожу от работы с тьмой. Волчья кровь любит, когда добыча ещё огрызается, поэтому я усмехнулся в макушку девушки, но руки не убрал.

А она, потёкшая, сидела с каменным лицом и делала вид, что ничего не происходит. Только щёки покраснели.

Но ещё Сиве слушала Рекка и Торда, смотрела на молодого парня у двери. Придворная выучка и тут с ней была. Она изучала мою стаю, как когда-то пыталась понять советников за спиной своей белой госпожи. Прикидывала, кто чего стоит, кто с кем и как общается и где у кого раскол. Это полезный, но очень тревожный навык, потому что и меня она раскладывала по частям. А я этого не любил.

Я чувствовал ладонью, как дрожит её нога. Снова тронул запястье, чтобы посмотреть на метку. Рисунок полился навстречу, будто узнал хозяина. Вот это в ней было ново. Знак тянулся ко мне сам жаднее, чем положено мёртвой руне на живой бабе. Я вроде бы и радовался тому, что всё наполняется как надо, но это же и цепляло меня где-то внутри тупой и незваной занозой. Аномалия какая-то. Просто холод в зале и недосып.

Мотнув головой, я вернул ей руку на живот.

— И всё же, — отодвинул миску Рекк и вытер нож о штанину. — Орден придёт за бабой, сам говорил. На кой нам нужен под боком лишний рот? Снять с неё эту дрянь, и дело с концом. Пусть катится на все стороны.

Я почувствовал, как Сиве замерла. Даже нога перестала дрожать.

— Нельзя, — бросил я скупающе. — Тёмное так просто с живого не сходит, псам под хвост. А эта останется как есть, покуда я не решу иначе. Это азбука. Забудь.

— Дорого за то, чтоб сбыть обузу, — хмыкнул Рекк.

— Оттого и носим. — Я отпил глоток. — Дешевле таскать.

Девушка не шелохнулась, но я чувствовал, как у неё в голове всё услышанное укладывается в свои ящички. Ну и пусть. Половину правды я ей швырнул, что там ещё, знал покамест только я да немые страницы в телеге.

Разговор пошёл по кругу про маршрут, коней и где встанем на ночь. Я слушал вполуха и иногда отвечал, а рука под столом делала своё дело.

Я развёл Сиве колени чуть шире и провёл пальцами по внутренней стороне бедра, туда, где под платьем уже насквозь всё намокло.

Она бездумно подалась вперёд, ловя мою ладонь. Вот здесь я руку и убрал, положив её обратно ей на живот. Договорил Торду про смену коней у брода, и даже дыхание у меня не сбилось.

В меня снова вонзились её ногти. На сей раз до крови. Когда я всё же скосил на Сиве взгляд, то увидел в её глазах чистую ненависть. И едва не рассмеялся.

Хорошо, что она злилась, потому что будет жарче гореть, а это мне и нужно.

Хотели уехать с утра, но время уже подбиралось к полудню. Стая вывела коней и разобрала поклажу. Сундук Лодина взвалили на телегу в середину обоза, и двое поехали на нём, чтобы стеречь. Никто чужой не должен сунуться к этой бумаге, потому что она дороже золота.

Сиве в кабацком платье я посадил в седло перед собой. Девушка молчала, и я тронул повод.

Мы долго ехали шагом. Одной рукой я держал тонкое запястье, проверяя, что наполняется всё исправно, как и положено.

Оставалось найти, что ещё можно бросить в эту топку тьмы.

Глава 5

Сиве

Дорожная пыль забивалась повсюду. Я ехала вместе с Бранном и перебирала в голове составы мазей, чтобы хоть чем-то заняться. Руки чесались собрать травы. Вот там тысячелистник, а вон мокрица. Её бы тоже набрать. Кровохлёбка изредка попадалась на глаза. Хотелось уже намешать каких-то отваров, чтобы не задумываться обо всём, что происходило.

Я чувствовала спиной грудь Бранна. Он вёл лошадь небрежно и постоянно смотрел, как на моём запястье тлеет знак. Чем ближе держался мужчина, тем сильнее наливалась метка. Я уже замечала за собой: когда мы останавливались и спешивались, расходясь друг от друга, на запястье лишь тлеет, но стоило быть ближе — всё разгоралось. И это злило до зубного скрежета, потому что я не могла раскусить, а понять хотелось до одури. Ведь тогда можно и обыграть. Однако сейчас обыгрывали меня.

— Далеко ещё? — спросила я впереди идущего.

Молодой рыжеватый волк покосился через плечо и осклабился. Не ответил, гад. И я поняла, что вопрос мой для всех прозвучал, как будто не про дорогу, а про то, что у меня жарилось под кожей. Он это чувствовал.

К щекам бросилась кровь. Хотела бы я отвернуть, да некуда.

Бранн придержал коня у ручья, чтобы напоить. Спешились не все. Только он и ещё двое. Я сползла с седла и оказалась с ним бок о бок, будто невзначай. Но я ничего просто так не делаю. Правила при дворе жёсткие, я росла у ног принцессы и её советника и умела появляться там, где надо, делая вид, что меня туда просто занесло.

— Руну эту, — начала я, глядя на водную гладь, — снять можно? Или так и сдохну с клеймом?

Присев на корточки у ручья, Бранн зачерпнул ладонью воду и плеснул в лицо. На густых светлых ресницах повисли капли.

— Можно, — обронил он, вытираясь тыльной стороной запястья, и я увидела, как блеснул чернильный въевшийся узор на коже. — Всё можно, тёмная. Вопрос, чем платить.

— И чем?

— А тебе зачем? — Бранн поднялся, отряхивая ладони о бёдра, и посмотрел на меня с присущей ему ленцой. — Собралась платить?

— Собралась знать, — огрызнулась я, стараясь не ощущать тепло знака, что наливался, потому что мужчина стоял близко. Как же я ненавидела то, что чувствовала. — Знать — это дёшево и платить не нужно.

— О нет. За это платят дороже всего, — усмехнулся он уголком рта и повернулся к коню. Разговор был закончен.

Я осталась стоять у воды, кипя в злости. Вот и вся разведка. Бранн ничего не дал, но и не оттолкнул. Лишь маленькую щёлочку оставил про цену. Значит, она есть и можно копать в ту сторону.

Подобрав подол, я зашла в мелкую воду ополоснуть руки от дорожной грязи. На мгновение закрыла глаза, наслаждаясь приятным холодом, от которого ломило кости. Это было хорошо, поскольку прохлада разгоняла туман, что наводил на голову проклятый знак.

Совсем скоро мы поехали дальше. Стая переговаривалась вполголоса, я же научилась слушать, не подавая виду. Ведь служанка — это мебель с ушами.

Говорили они про восток и про какого-то Хравна, что уже сел, сомневались, что дикие его признают. И между делом рыжий гордо бросил другому, хваля жоака:

— ...да наш-то знает, чем непобедимого Грима свалили.

— Ну, знает он и... — хмыкнул второй и осёкся, глянув на меня.

Язык прикусил, но я уже всё услышала, что надо.

Зная, которым Бранн собрался брать восток, оказалось делом его рук. А я-то всё время думала, как Грим попался так лихо в ловушку? Его же чуть было не казнили тогда. Если бы не Велаэна...

Но додумывать не стала. Не понимала пока ни обряда, ни того, с чего именно у них там всё завертелось. Но одно понятно точно: всё, что случилось со мной и Лаэной, началось с этого человека, что сейчас сидел сзади.

Вечером мы добрались до постоя. Им оказался хутор на отшибе. В таких местах с приезжих кормятся и не задают вопросов. Я спешила и осмотрелась. На большом дворе стоял длинный дом, а в углу, у самого плетня, находилась приземистая банька. И калитка низенькая и кривая, за которую и зацепился взгляд.

Разминая спину, я вдруг вспомнила другую калитку, окутанную серыми сумерками. Мягкий голос за плечом обещал мне свободу, а тёплая рука к ней и подвела. Я поверила этому мужчине и...

Моргнув, я прогнала непрошенные картинки, оставив только то, что видела. К чему беречь прошлое?

Баньку хорошо натопили. Хозяйка расстаралась за серебро. Волки помылись всем скопом первыми. Быстро и грубо, как псы. Я слышала гогот и плеск даже через двор, пока разбирала сумку и варила масло. Потом они вывалились все распаренные и полуголые наружу, дымящиеся в вечерней прохладе, и расселись у костра остужаться.

Баня была пустая.

Взяв чистую рубаху, гребень и мешочек, куда я запихнула сваренное масло, я пошла мыться. Заслужила, ведь тело после трёх дней в седле ломило, да ещё и хотелось смыть с себя всё, что накопилось.

Внутри было темно. На приступке стояла одна лампа-коптилка. Потолок в два яруса, лавка. Камни ещё дышали жаром, а пар окутывал всё вокруг и оседал на брёвнах.

Раздевшись, я распустила тяжёлые волосы, и они тут же прилипли к шее. Села на нижнюю лавку и, зачерпнув горячей воды, плеснула на себя. Чуть не застонала от удовольствия. И только я потянулась за ковшиком, как скрипнула дверь.

Пар потёк ко входу и впустил вечерний воздух. Но тут же дверь затворилась.

Я не обернулась. По полыхнувшему знаку на запястье и так знала, кто зашёл.

— Занято, — бросила я спокойно.

— Знаю. — Бранн прошёл внутрь, наклонив голову под низким потолком, и сел на лавку напротив, как хозяин. Он был в одних штанах, влажные волосы после первой помывки чуть липли ко лбу. По предплечьям бежали тёмные знаки и терялись в пару. — Мойся. Я посмотрю.

— На улице любуйся. — Я плеснула на себя воды и растёрла мыло. Голова была забита тем, что запястье горело и внутри текло пламя. — Тут занято, я сказала.

Он вытянул ноги и скрестил их.

— Мужики уже помылись, — не обращал внимания Бранн на мою просьбу. — Снаружи целая стая ждёт, пока я тут... погляжу. — Он лениво провёл рукой по пару. — Слышат, поди, каждый плеск.

Вот тут меня обдало стыдом. За дощатой стенкой двор, а у костра мужики. И все знают, зачем он баню под себя очистил. Каждый скрип лавки уловят.

— Тогда я буду тихо, — процедила я сквозь зубы.

Только после этого поняла, какую ошибку допустила. Такое хищнику не бросают в лицо. Для него это задача.

Бранн медленно улыбнулся своей приятной улыбкой, за которую хотелось дать ему по лицу.

— Будешь, — согласился он и поднялся.

Я лишь по-детски успела плеснуть в него водой из ковша. Беспольный жест.

Он поймал моё запястье, и метка вспыхнула так, что у меня сбилось дыхание. По глазам я поняла, что Бранн это почувствовал, и его собственные метки почернели.

— Тише, — со смехом сказал он. — Стенка тонкая.

— Пусти!

Голова моя ещё была холодная. Я понимала, что он ведёт. Надо огрызаться, не поддаваться. А кожа под его пальцами уже подалась.

Я смотрела на себя со стороны и осознавала, что поплыла.

Бранн не пустил. Потянул меня за запястье с лавки, и я упала на колени, на дощатый мокрый пол между его ног. И упёрлась ладонью ему в бедро. Злость искрила во всём теле, и я уже готова была огрызнуться, но он нашарил в моём же брошенном мешочке склянку из тёмного стекла. Масло для рук и растирок. Только Бранн открыл, понюхал, и по тому, как дрогнули его ноздри, я поняла: он знает, что это не простое масло.

— Сама варила? — Выдернув пробку зубами, он сплюнул её в сторону, и по бане потёк тёплый смолянистый запах. — Умница.

— Это для рук, — произнесла я севшим голосом, потому что знала состав и что туда идёт. И теперь с холодком осознавала, почему оно так тянет метку, едва попадёт на кожу. Я варила себе проводник тьмы своими руками, думая, что делаю растирку от дорожной ломоты.

— Теперь не для рук, — усмехнулся Бранн и вылил тёплое масло в ладонь, размазывая его. — Ляг.

— Сам ляг!

Он спорить не стал, просто положил руку мне на грудь, обвёл её и сжал. Распаренная кожа мгновенно отозвалась. Масло скользило, разнося тепло, и когда оно касалось, знак наливался. Полз узором по руке, как живой.

Я закусила губу и прерывисто дышала.

Ты же обещала быть тихой, вот и будь!

— Соски твёрдые, — заметил Бранн, перекатывая один в пальцах и оттягивая, заставляя меня шипеть. — А говоришь, занято.

— Пошёл ты, — выдохнула я зло.

Он усмехнулся, а потом наклонился и лизнул там, где бился пульс. Вторую руку, всю измазанную в масле, повёл вниз по животу, по бедру, между ног. Кожа там была горячая, и его пальцы легко вошли, да ещё и безжалостно точно, будто он знал моё тело лучше меня.

Первый экстаз нахлынул стыдно быстро. Я вцепилась зубами в костяшки, чтобы не заорать в голос. А Бранн рывком подхватил меня, и вот я уже сидела на нём, спиной к груди. Он развёл мои ноги и не давал свести. Снова скользнул пальцами внутрь, заставляя меня своими размеренными и ленивыми движениями сходить с ума.

Масло делало своё дело: разогревало и напивало метку, даря ещё больше желания.

Его губы скользили по моей шее, а свободная рука гладила соски.

Я кончила, зажимая ладонью рот. Всё тело выгнуло дугой.

Та, что смотрела на меня со стороны, сказала холодно, что будет не одна волна. Много.

Бранн и правда не остановился, не дал перевести дух и остыть. Его пальцы всё двигались, и третья нагнала вторую, пока та не схлынула. Ударил внахлест.

Задохнувшись, я дёрнулась от него, но он меня тут же поймал за талию и рывком вернул к себе, доводя снова до края. Развернув мою голову, ловил стоны губами, жадно их пожирая.

— Тише, — напомнил Бранн ядовито-довольным голосом, когда чуть отстранился. — Услышат.

— Заткнись, — выдавила я хрипло и сама от себя вздрогнула. Это не я сказала. Я так не говорю. — Заткнись, слышишь...

— Слышу. — Он двинул пальцами глубже. Повернул и нашёл то, от чего у меня свело живот. Гладил ту точку, вытягивая безжалостную и длинную волну. — И они слышат.

Я кончала снова и снова, потеряв счёт этому и забыв про стыд.

Только голос в голове оставался холодным. Он говорил про масло, про то, что наливается тьма, напоминал, что я сама это сварила и теку по Бранну в голос при всей стае. Но что самое ужасное, хотела ещё. Сквозь всё это тело просило продолжения, тянулось за его рукой, и я не знала, где кончаюсь я, а где начинается эта дрянь, что струилась под кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.